

22140165

RUSSIAN A: LITERATURE – HIGHER LEVEL – PAPER 1
RUSSE A : LITTÉRATURE – NIVEAU SUPÉRIEUR – ÉPREUVE 1
RUSO A: LITERATURA – NIVEL SUPERIOR – PRUEBA 1

Friday 9 May 2014 (morning)

Vendredi 9 mai 2014 (matin)

Viernes 9 de mayo de 2014 (mañana)

2 hours / 2 heures / 2 horas

INSTRUCTIONS TO CANDIDATES

- Do not open this examination paper until instructed to do so.
- Write a literary commentary on one passage only.
- The maximum mark for this examination paper is *[20 marks]*.

INSTRUCTIONS DESTINÉES AUX CANDIDATS

- N'ouvrez pas cette épreuve avant d'y être autorisé(e).
- Rédigez un commentaire littéraire sur un seul des passages.
- Le nombre maximum de points pour cette épreuve d'examen est *[20 points]*.

INSTRUCCIONES PARA LOS ALUMNOS

- No abra esta prueba hasta que se lo autoricen.
- Escriba un comentario literario sobre un solo pasaje.
- La puntuación máxima para esta prueba de examen es *[20 puntos]*.

Проанализируйте *один* из предложенных текстов:

1.

ВЕТЕР

Было тихо в белом свете,—
свет был белым от зимы...
Вдруг примчался шалый ветер—
устроитель кутерьмы.
5 Впереди неслась поземка
хулиганскою ордой,
а за нею ветер звонкий,
крепкий, смелый, молодой.
Ветер был озорником—
10 рвался нагло в каждый дом...
Он в лицо плевался колко,
он раздел от снега елки,
молотил метелью в окна
так, что дом стонал и охал.
15 Ветер был самоуверен—
дул в разнузданной манере.
Он вломился, как налетчик,
оборвал все провода.
В коридоре умер счетчик,
20 в кране кончилась вода.
Электричества нет в избах,
мы не смотрим телевизор,
мы живем теперь при свечке,
раздуваем жар у печки.
25 Ветер, груб и неумерен,
выл в разнузданной манере.
Налепил кривых сугробов,
ни проехать, ни пройти,
на нехоженных дорогах—
30 ни тропинки, ни пути.
Издавая хамский посвист,
скорый ветер отбыл в гости
то ль на север, то ль на юг...
А потом вернулся вдруг!
35 Мы и охнуть не успели,
снова закрипели ели.
Ветер продлевал бесчинства
и чинил большие свинства,
сыпал манкою из снега
40 так, что потемнело небо,
вздыбил саван-покрывало,

буря гикала, плясала,
ветер гадко хохотал...
Наконец и он устал.
45 Иль дебоша устыдился,–
лег в лесу, угомонился...
Тихо обо всем подумал.
Взял и на рассвете умер.
Снова тихо в белом свете.
50 Только жаль, что умер ветер.

Эльдар Рязанов, *Стихи* (1998)

2.

Давно погас высоко рдевший летний закат, пронеслись, остались позади мертво освещенные люминесцентными лампами пустоватые вечерние города, автобус вырвался, наконец, на широкую равнинность шоссе и с заунывным однообразным звуком “ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж”, с гулом за стеклами, не повышая и не понижая скорости, слегка поваливаясь на поворотах, торжественно и устрашающе помчался в темноту, далеко и широко бросая свет всех своих нижних и верхних фар.

В салоне слегка потихоньку шуршали газетами и журналами, потихоньку, прямо из бутылки выпивали, закусывали, ходили вперед курить, потом начали успокаиваться, откидывать кресла, отваливаться, гасить яркие молочные лампочки, стали сонно покачивать головами на валиках, и через какой-нибудь час в теплом, сложно пахнущем автобусе было темно, все спали, только внизу, в проходе, горел над полом синий свет, а еще ниже, под полом, струилось намащенное шоссе и бешено вращались колеса.

Не спали только Крымов и его соседка.

Московский механик Крымов не спал потому, что давно не выезжал из Москвы и теперь был счастлив. А счастлив он был оттого, что ехал на три дня ловить рыбу в свое, особое, тайное место, оттого, что внизу, в багажнике, среди многих чужих чемоданов и сумок, в крепком яблочном запахе, в совершенной темноте лежали его рюкзак и спиннинг, оттого, наконец, что на рассвете он должен был выйти на повороте шоссе и пойти мокрым лугом к реке, где ждало его недолгое горячее счастье рыбака.

Он не мог сидеть спокойно, оборачивался, провожая взглядом что-то темное, неразборчивое, проносившееся мимо, вытягивал шею и смотрел вперед, через плечо шофера, сквозь ветровое стекло на далекую матовость шоссе.

А соседка его не спала неизвестно почему. Сидела неподвижно, прикрыв ресницы, закусив красные губы, которые теперь в темноте казались черными.

Не спал в автобусе и еще один человек – шофер. Он был чудовищно толст, волосат, весь расстегнут – сквозь одежду мощно, яростно выпирало его тело, – и только головка была мала, гладко причесана на прямой пробор и глянцевиата, так что даже поблескивала в темноте. Могучие шерстистые руки его, обнаженные по локоть, спокойно лежали на баранке, да и весь он был спокоен, точно Будда, как будто знал нечто возвышающее его над всеми пассажирами, над дорогой и над пространством. Он был силуэт-но темен сзади и бледно озарен спереди светом приборов и отсветами с дороги.

Крымову захотелось курить, но совестно было беспокоить соседку, и он не пошел вперед, достал сигарету, нагнувшись, воровато чиркнул зажигалкой, с наслаждением затянулся и выпустил дым тонкой, невидимой в темноте струйкой вниз, под ноги.

– У вас есть закурить? – услышал он шепот соседки. – Страшно хочу курить...

Доставая сигарету, Крымов слегка привалился к ней и близко взглянул ей в лицо, но увидел только бледное пятно с темными провалами глаз, и губы, и прямые волосы до плеч. Он дал ей сигарету и снова чиркнул зажигалкой. Она, так же как и он, прикурила, нагнувшись, загоразивая огонек ладонями, которые на секунду стали прозрачно-розовыми, и опять Крымов ничего не рассмотрел, только прямой нос, скулу и опущенные ресницы.

Юрий Павлович Казаков, *Вон бежит собака* (1961)